

ИНДЕКС 70820

"Салма" № 8/1570/август
1995г.

ДЖОЭННЭ
СТИИГРЭИ

— Как вы восприняли эту тусовку, контрастирующую с официальной советской культурой?

— Я тогда еще не слышала официально разрешенной русской музыки. Только андеграунд. Это было похоже на Америку шестидесятых — движение хиппи, Вудсток. В этой среде были не только музыканты, но и художники, поэты. Я будто вернулась в эпоху, о которой у себя на родине только слышала.

С официальной культурой познакомил тоже Гребенщиков. Он взял меня с собой на концерт «Машины времени» во дворец «Крылья Советов». Был полный зал. Но в отличие от концертов, в которых я привыкла: публика шумит, кричит люди вскакивают, выражая свои эмоции, здесь все происходило тихо и спокойно, слушатели лишь аплодировали. Для меня это был шок.

На том концерте меня поразило еще один момент. У одного из гитаристов лопнула струна. Вся группа сразу перестала играть и ждала, пока музыкант натянет новую. Я спросила Гребенщикова: «Борис, а почему они в это время не играют какую-нибудь импровизацию?» Он объяснил, что у группы — контракт на строго определенную программу, и она может играть лишь обозначенное в программе.

Я поразились...

— Вы много говорите о Гребенщикове. Какую роль он сыграл в вашей жизни?

— Знаю, знаю, на что вы намекаете, о чем много тогда говорили. Считали, что у нас роман. На самом деле в первые три-четыре года знакомства Борис был для меня своего рода учителем, наставником. Я его очень любила. Но не так, как женщина любит мужчину, а как источник чувств, информации.

Когда объявили гласность, рок перестал быть подпольным течением и быстро превратился в бизнес. Сейчас почти нет времени на какие-либо дружеские встречи: нужно искать спонсоров, организовывать концерты, гастроли. Музыканты стали общаться гораздо меньше, чем раньше. Поэтому в последние несколько лет мы с Борисом видимся нечасто, хотя и поддерживаем контакт.

— Вы неплохо говорите по-русски. Трудно выучить наш язык?

— А я никогда его не учила. Мой русский — это мой вариант вашего языка. Многие русские и сейчас, разговаривая со мной впервые, плохо меня понимают. Сначала вообще не было необходимости говорить по-русски, потому что все мои здешние друзья хорошо владели английским. А в 1989 году я поехала на гастроли с музыкантами, которые английского не знали, и пришлось осваивать ваш язык.

— В России последних лет столько глобальных изменений. Вам довелось их увидеть. Прочувствовали их на себе?

— Да, мне выпала удача. Я здесь за это время словно в трех странах пожила. Сначала социализм, потом перестройка и гласность, когда все стало свободным, говорили, что хотели, но с места ничего не двигалось. Наконец, сейчас некий переходный период — по-моему, самый трудный для России. За последние два-три года не раз хотелось отсюда уехать. Мне неприятно смотреть на русских нуворишей, как они себя ведут: как делают деньги, кичатся своим богатством перед бедными.

Вот недавно видела: стоит на улице бабушка с хлебом в сумке, на мясо и фрукты у нее денег нет. Мимо летит «мерседес», обдаёт ее с ног до головы грязью и, не оста-

навляясь, проносится дальше. Это страшно. Родители мне всегда говорили: «Джозанна, у тебя может быть очень плохая ситуация, но всегда найдется человек, которому еще хуже. Помоги ему!».

Мне не хочется быть богаче других. Пусть у всех будут телевизоры, видео, автомобили. А это резкое разделение на очень богатых и очень бедных меня пугает.

— И еще вас волнуют вопросы экологии, потому вы и стали активисткой «Гринпис»?

— Давно знаю эту организацию, она очень честная. Мой Лос-Анджелес — один из самых чистых городов Америки. Россия оказалась очень грязной. Люди здесь страшно мусорят. И когда «Гринпис» приехал в Москву, решила, что людям надо помочь понять, какая это организация. Встретилась с ребятами, они как раз привезли пластинку «Гринпис» с песнями западных музыкантов. Мне удалось выпустить такой же диск с российскими музыкантами.

— Год-два назад у нас только и разговоров было, что о политике. Сейчас это проходит. Как вы относитесь к российской политике?

— Политику не люблю вообще. Ею занимаются ущербные, на мой взгляд, люди, похожие друг на друга во всех странах. Но в России перемены идут очень быстро. Мне смешно видеть по телевизору людей, которые сейчас называют себя господами или даже капиталистами, тогда как еще три года назад с той же уверенностью они твердили, что преданы коммунистическим идеалам. Надеюсь, скоро на российской политической арене появятся люди молодые, не разращенные коммунистической системой, которые действительно смогут изменить ситуацию к лучшему.

— Что вы думаете об отношениях мужчины и женщины в нашей стране?

— У ваших женщин очень тяжелое положение. Если американки успешно добиваются равных с мужчинами прав, то русская женщина целиком подчинена мужу. Смотрит за детьми, делает покупки, готовит, стирает, убирает — все на ее плечах. По-моему, большинство русских мужчин женщину не уважают.

— Вы собираетесь вернуться в Америку или останетесь у нас надолго, может быть, навсегда?

— Когда уезжала отсюда на какое-то время, постоянно возникала проблема: через пару недель жизни в Америке чувствовала, что просто необходимо вернуться в Россию. Это как болезнь. Сейчас очень редко выезжаю на Запад. Думаю, всегда буду жить здесь.

— В чем, по-вашему, неправильность нашей жизни?

— Вопрос не ко мне. Я живу как живу. И не хочу кого-то заставлять жить по-моему. Не люблю тех, кто учит других жить. Я не курю, не пью спиртное, вегетарианка, но это мой выбор. Самое главное — подлости не делать, уважать самого себя. Человек, который мусорит в родном городе или кричит на женщину, себя не уважает. И я его тоже уважать не могу.

— Значит, чистота спасет мир?

— Если хотите, да.

Беседу вел
АЛЕКСАНДР МОРЕЕВ.

Фото на IV-й обложке
ЕЛЕНА ПИКИНОВА